DOI

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Т.Ю. Опич,
студентка группы ЭК-21
учетно-финансового факультета
Пермского института (филиала)
им. Г.В. Плеханова, Пермь
tanya.opich@gmail.com

И.В. Рязанов,
научный руководитель, канд.
философск. наук, зав. кафедрой
социальных и гуманитарных дисциплин
Пермского института (филиала)
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова, Пермь
iwan.riazanow@yandex.ru

Аннотация. В первой половине XX в. была проведена коллективизация, которая соприкасалась с раскулачиванием зажиточной части крестьян. Многих раскулаченных крестьян отправляли в «кулацкую ссылку». В статье рассматривается жизнь спецпереселенцев Молотовской области в годы Великой Отечественной войны. Выделены следующие аспекты: классификация раскулаченных крестьян и условия их жизни в ссылке, трудности трудовой и повседневной жизни. На основе биографических сведений, сохранившихся в семейном архиве и воспоминаниях родственников, показана жизнь прадедушки автора статьи, Опич Сидора Даниловича – бывшего спецпереселенца Молотовской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, раскулачивание, Молотовская область, спецпереселенцы, Вишерский ЦБК.

DAILY LIFE OF A SPECIAL SETTLER DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Tatyana Opich,
student of ЭК-21 group, accounting
and Finance faculty, Perm Institute (branch) of Plekhanov
Russian University of Economics, Perm
tanya.opich@gmail.com

Ivan Ryazanov*,*
scientific adviser
Ph.D., Head of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines
Perm Institute (branch) of Plekhanov
Russian University of Economics, Perm
iwan.riazanow@yandex.ru

Abstract. In the first half of the XX century, collectivization was introduced, which came into contact with the dekulakization of a certain part of the peasants. Many of the dispossessed peasants were sent to the "kulak exile." My article examines the life of special settlers during the second world war, namely in the Molotov region. The following aspects were discussed: the classification of dispossessed peasants, their living conditions in exile, and the difficulties they faced. Also, as an example, I cited the life of my great – grandfather, OpichSidor Danilovich, who was a special settler in the Molotov region.

Keywords: The Great Patriotic War, dekulakization, Molotov region, special settlers, Vishersky pulp and paper mill.

История нашей страны переплелась с судьбами отдельных семей как в героических, так и в трагических сюжетах. Каждая семья хранит воспоминания о суровых временах в устных воспоминаниях, которые передаются из поколения в поколение. На примере судьбы Сидора Даниловича Опич можно проследить сложный путь отдельного человека, оказавшегося под воздействием государственной репрессивной политики и проявившего героизм в годы Великой Отечественной войны. Чаще всего воспоминания в семьях репрессированных на Урале начинаются с событий 30-х гг., которые изменили течение обычной жизни.

В период первой пятилетки (1928–1933 гг.) была проведена коллективизация, политическое решение о которой было принято

на XV съезде ВКП(б) в 1927 г. Коллективизация соприкасалась с раскулачиванием зажиточной части крестьян. В конце 1929 – начале 1930 г. практически на всей территории СССР по решениям местных органов власти началось выселение кулаков за пределы края (области) с конфискацией имущества. Впоследствии раскулачивание приняло более широкие масштабы, по сравнению с поставленными первоначальными целями. Раскулаченные крестьяне разделялись на три категории, в зависимости от тяжести действий, направленных против политики коллективизации:

1. «Контрреволюционный актив»: кулаки, активно противодействующие организации колхозов, бегущие с постоянного места жительства и переходящие на нелегальное положение.

2. «Богатые кулаки», местные «кулацкие авторитеты», являющиеся оплотом «кулацкого антисоветского актива».

3. Остальные зажиточные крестьяне и «подкулачники», т.е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные в прокулацких и антиколхозных действиях [1].

Главы кулацких семей первой категории арестовывались, и дела об их действиях передавались на рассмотрение спецтроек в составе представителей ПП ОГПУ, обкомов (крайкомов) ВКП(б) и прокуратуры. Кулаки, отнесенные к третьей категории, как правило, переселялись внутри области или края, т.е. не направлялись на спецпоселение. Раскулаченные крестьяне второй категории, а также семьи кулаков первой категории выселялись в отдаленные районы страны на спецпоселение, или трудпоселение (иначе это называлось «кулацкой ссылкой» или «трудссылкой») [1]. В целом на начальном этапе раскулачивания было выселено (с отправкой на спецпоселение) 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека, эти данные указаны в справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ [2].

По подсчетам С. Круглова, состав спецпереселенцев был многонациональным: 687 тысяч немцев, 606 тысяч бывших кулаков из Белоруссии и Украины, 405 тысяч чеченцев и ингушей, 195 тысяч крымских татар, греков и болгар, 88 тысяч хемшилов, турок и курдов, 80 тысяч калмыков, 60 тысяч карачаевцев, 33 тысячи балкарцев, 43 тысячи ссыльно-поселенцев, 20 тысяч оуновцев и 9 тысяч «прочих» (немецких пособников, репатриированных и других). Наибольшее количество спецпереселенцев находилось в

Казахстане – 866 тысяч человек, в Узбекистане – 181 тысяча, в Красноярском крае – 125 тысяч, в Киргизии – 112 тысяч, в Кемеровской области – 97 тысяч, в Томской области – 92 тысячи, в Свердловской области – 89 тысяч, в Алтайском крае – 85 тысяч и в Молотовской области – 84 тысячи [3].

Изначально крестьяне, которых направили в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, вплоть до 1934 г., впоследствии с 1934–1944 гг. – трудпоселенцами, а с 1944 г. – спецпоселенцами [2].

Стоит отметить, что, по статистическим данным, численность спецпереселенцев отправленных и прибывших часто не совпадает. Прибывших на место «кулацкой ссылки» гораздо меньше, числа отправленных туда. В основном это связано с высокой смертностью во время транспортировки крестьян, и массовых побегов с мест поселения. Данный факт отмечал в своем рапорте М. Берман от 8 июня 1933 г. на имя Г.Г. Ягоды, вот например: «… у “кулаков” наблюдалась высокая смертность и заболеваемость сыпным тифом, острожелудочными заболеваниями и даже натуральной оспой; очень много истощенных, стариков, не могущих быть совершенно использованными; поголовная вшивость; полнейшее пренебрежение к учёту (отсутствие личных дел, постановлений о выселении, искажения фамилий, неполнота учётных данных и т. п.); после прибытия эшелонов к месту назначения иногда выясняется, что среди выселенных имеются рабочие, комсомольцы, иностранцы» [1].

Стоит заметить, что кулаков отправляли в ссылку вместе с семьей, поэтому тяжело было не только взрослым, но и детям, на 10 февраля 1932 г. наблюдалась высокая детская смертность среди спецпереселенцев, об этом сказано в докладной записке Уральского облздравотдела в Наркомздрав. «Так, на комбинате “К” в г. Перми за два месяца август – сентябрь умерло около 30 % всех детей, в Н. Лялинском районе за год родилось 87, а умерло 347, в Гаринском районе родилось за 2 месяца 32, а умерло 73, и вся эта смертность в подавляющем большинстве за счет детей» [1].

В частности, практика использования людей для освоения и использования необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений является одним из направлений государственной политики спецколонизации. Спецпе-

реселенцев чаще всего использовали в качестве рабочей силы на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остронуждающихся в рабочей силе районах [2].

Семья Сидора Даниловича Опич оказалась в числе переселенных с Украины кулаков. По семейным воспоминаниям, Сидор Данилович родился в 1901 г., в деревне Приваловка, Новоград-Волынского района Винницкой области Украинской Советской республики, был обычным работником с образованием на уровне двух начальных классов. В 1930-е гг. в период массовой волны раскулачивания, которая на Украине была связана с ростом недовольства конфискацией продовольственных запасов у украинских крестьян и позже привела к «голодомору», затронула и жизнь многих людей. В 1932 г. Сидор Данилович Опич вместе с женой Анной Михайловной Опич и малолетним сыном Александром были высланы с Украины на Урал [4, с. 183–184].

В 1930–1940-е гг. население в Молотовской области возросло, данный регион казался перспективным местом развития лесной и угольно-добывающей промышленности за счет того, что он богат ресурсами и малообжитыми северными районами. В основном северные части области «обживались» спецпереселенцами, за счет этого в 1930-е гг. в Пермском крае, как и во многих других краях (областях), образовались многочисленные спецпоселения, в которых они жили. Основными районами расселения стали: Чусовской, Кизеловский, Кудымкарский, Чердынский, Косинский, Гаинский, Березниковский, Соликамский [5].

Положение спецпереселенцев во всех отношениях было очень тяжелым. Сразу после выселения они были значительно ограничены в правах. Четко регламентированный правовой статус спецпереселенцев отсутствовал – не преступники и не свободные граждане. Они являлись гражданами СССР без права выезда с мест их поселения, наблюдение за ними возлагалось на органы НКВД (МВД) [6].

Первым массовым депортациям в начале 30-х гг. подверглись раскулаченные крестьяне, которых погрузили в эшелоны и отправили к местам ссылки. Они прибывали по железнодорожным путям, далее направлялись пешим этапом или сплавом по рекам Прикамья до места ссылки. Многие районы были совершенно не готовы для проживания. В итоге в сильные морозы февраля – мар-

та 1930 г. высланные спецпереселенцы вынуждены были жить в палатках и шалашах [6].

Изначально спецпереселенцы направлялись в распоряжение промышленных трестов, например «Ураллес», «Уралуголь» и другие. Их в основном назначали валить лес, добывать уголь, строить новые предприятия [7].

Организации, использующие труд спецпоселенцев, обязывались обеспечить членов их семей вспомогательными работами, предоставить жилье площадью не менее трех метров на человека. При этом каждая семья должна была получить отдельную комнату, а одиночки – общежитие, но этого не было на практике. Их высылали в глухую уральскую тайгу, в необжитые районы, в которых не было даже элементарных условий для существования [1].

Спецпоселки строились самостоятельно. Изначально построившиеся бараки не соответствовали минимальным санитарно-гигиеническим и техническим нормам. Строились они наспех, из старого леса, поэтому были продуваемые и холодные. Полов не было, крыша была сделана из жердей и слегка присыпалась тающей и осыпающейся землей. Вот как, например, докладывает о состоянии строительства спецпоселка «Вая» комендант Красновишерской районной спецкомендатуры: «Ход строительства поселка проходил в погоне за количеством без соблюдения качества, в результате чего в настоящее время преимущество домиков требует капитальной затраты на их дооборудование. Ни один из домов не имеет надлежащего вида, а представляет из себя временную лесную избушку. В ряде домиков печи разваливаются, оборудования в квартирах никакого нет, спят на полу. Санитарное состояние в поселке таково, что площадь от разных нечистот не очищена, помойных ям нет» [6].

Семья Сидора Даниловича Опича была отправлена в Красновишерск, где их поселили в обычном бараке, в котором до этого жили заключенные. Сидор был сразу же определен на бумкомбинат, сначала просто строителем, затем кузнецом в механический цех. Это был один из первых заводов, который строился руками заключенных, а затем спецпереселенцев. До 1934 г. он назывался «ВишХимз», но после был переименован в Вишерский ЦБК (целлюлозно-бумажный комбинат).

Первые годы жизни семьи Сидора Даниловича на Урале были очень тяжелыми, был страшный голод, так как завод находился глубоко в тайге, в 100 км на север от г. Соликамска, и добраться до него было возможно только речным путем. Поэтому там наблюдалась высокая смертность среди заключенных, спецпоселенцев и добровольцев, которые приехали из разных уголков страны для строительства завода на севере-востоке нынешнего Пермского края. Негативным фактором был климат, который переселенцам с Украины казался крайне суровым.

Первая жена Сидора Даниловича – Анна Михайловна, измученная трудностями долгой дороги и барачным бытом, не смогла приспособиться к жизненным условиям в Красновишерске. По воспоминаниям, сохранившимся в семейных преданиях, Анна Михайловна страдала от холода, плохо переносила морозы и, не выдержав условий жизни спецпереселенцев, оставила мужа и ребенка и ушла из семьи. Через некоторое время Сидор встретил Пелагею Степановну Бахареву, с которой прожил свою жизнь. По воспоминаниям прабабушки, регистрировать в ЗАГСе браки спецпереселенцев с местными жителями тогда запрещалась, поэтому они жили в гражданском браке.

Снабжение спецпереселенцев было неудовлетворительным, а в некоторых местах полностью отсутствовало. Многие районы были малодоступны для заброски продовольствия ввиду распутья, существования непроходимых болот и других причин. Но помимо малодоступности они были еще и весьма отдалены, что при незначительных транспортных средствах делало их практически недосягаемыми. Так, в июне 1931 г. бюро Березниковского райкома ВКП(б) констатировало: «Пункты новостроящихся поселков для спецпереселенцев намечены без достаточного учета экономической целесообразности и возможности обслуживания» [6].

Стоит отметить, что в критическом положении оказалось и продовольственное обеспечение. Например, из докладной записки Чердынского районного отделения ОГПУ узнаем о том, что «в ряде поселков с/п вместо хлеба едят мох, опил и прочее, в силу чего спецкадры теряют физическую мощность, получают разные заболевания, как, например, в поселке Мерково на 50 % с/п от плохого питания ослабли до невозможности и неспособны выходить на работу» [6].

Ссыльные практически не снабжались спецодеждой, что в условиях сурового уральского климата приводило к массовым случаям обмораживания ног и невыхода на работу. Бывший спецпереселенец Г.М. Штомпель вспоминает: «Полученные рукавицы, за неимением обуви, мы надевали на ноги» [5].

Данные факторы способствовали широкому распространению бегства спецпереселенцев с мест ссылки. К примеру, в Ашинском леспромхозе Бардымского района необеспеченность нормальными жилищно-бытовыми условиями и перебои с продовольственным снабжением привели к тому, что с 1 января по 1 октября 1932 г. бежало 337 семей спецпереселенцев – 1330 человек [5].

В целом в течение 30-х гг. материальное положение спецпереселенцев было очень тяжелым. Их быт долгое время оставался неустроенным, климатическая и хозяйственная адаптация протекала тяжело. Основными проблемами для большинства переселенческих семей были дефицит жилья, отсутствие одежды и обуви, голод, недоступность медицинской помощи. Длительная бытовая неустроенность тормозила социальную адаптацию спецпереселенцев, обостряла у них чувство социальной незащищенности и несправедливости.

В эпоху Большого террора спецпереселенцев настигла новая волна репрессий. Террор коснулся семьи Сидора Даниловича в 1937 г., когда среди спецпереселенцев начались массовые аресты. Сидора Опич забрали 3 января 1938 г. Его больше года держали в Соликамской тюрьме, в чем только ни обвиняли, вплоть до шпионажа в пользу Германии. После освобождения он рассказывал о бесконечных допросах, о внезапном исчезновении товарищей по несчастью. Все свои обвинения он отрицал. Ему повезло, что позже его восстановили на прежнее место работы. Приостановились массовые репрессии после смещения Н.И. Ежова с поста наркома внутренних дел (с его именем связывают период Большого террора).

Сидор был добросовестным работником, его многократно поощряли за успехи в социалистическом соревновании. Что касается хозяйственной сферы, то по крестьянской привычке и для пополнения семейного бюджета они занимались домашним хозяйством (держали коз, поросят, выращивали картошку, собирали ягоды и грибы).

Все это время Пелагея Степановна заботилась о приемном сыне. Александр хорошо учился в школе, стал хорошим работником. Но на детях спецпоселенцах «лежало» клеймо их родителей.

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на все население нашей страны, люди по-разному проживали эти сложные годы, в том числе и спецпереселенцы. Каждый человек внес свой вклад в общую Победу. Кто-то воевал на фронте, кто – то трудился в тылу для того, чтобы помочь защитникам родины в конечном счете защитить свой дом и семью.

С момента начала Великой Отечественной войны, статус трудпоселенца освобождал от военной службы и отправки на фронт, в связи с этим поток заявлений об освобождении сократился, и те, кто был освобожден ранее, стали писать заявления с просьбой поставить их снова на учет трудпоселений. Но во время войны была острая нехватка рабочих и военных кадров, в связи с этим практиковался ограниченный призыв трудпоселенцев в Красную Армию. Например, с начала войны и до 15 октября 1941 г. в РККА было призвано 3218 трудпоселенцев, из них 301 – в кадровые части и 2917 – в специальные строительные батальоны. 11 апреля 1942 г. Государственный комитет обороны принял Постановление № 1575сс, согласно которому за период с 15 апреля по 15 мая 1942 г. надлежало призвать в Красную армию «35 000 человек за счет тщательного отбора детей переселенцев и переселенцев призывного возраста» [6].

Сидор Данилович Опич и его семья трудились в тылу на заводе во время Великой Отечественной войны. Его сын Александр в 1943 г., когда ему исполнилось 18 лет, добровольцем ушел на фронт. В марте 1944 г. Александр Опич погиб, освобождая украинский город Кировоград, лишь в 1990 г. в Красновишерском райвоенкомате родным вручили удостоверение на медаль «За отвагу», которой он был награжден в 1944 г., но так и не успел получить ее [4, с. 183–184].

Александр Сидорович Опич (сын Сидора Даниловича) родился 10 октября 1944 г. Его назвали в память о погибшем брате. Он пошел по стопам своего отца, после прохождения армейской службы на территории Венгрии работал на бумкомбинате в Красновишерске по специальности токаря. И вся его трудовая деятельность была связана с этим предприятием.

Продолжая семейную традицию, Юрий Александрович Опич (внук Сидора Даниловича) также работал на этом заводе, вплоть до его закрытия в декабре 2007 г. Так уральская земля стала новым местом жизни для насильственно переселенных из Украины.

Необходимо отметить, что история семьи – это память, которую мы должны хранить, помнить и передавать из поколения в поколение. Ведь каждая семья со своей историей внесла определенную лепту в будущее нашей страны. Таким образом, исследование исторической литературы и воспоминаний, сохраненных в семье, позволяет более глубоко понять трансформации как уклада частной жизни той или иной семьи, так и национального менталитета и высвечивает вечный конфликт частного и государственного.

Список литературы

1. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы [Электронный ресурс]. – URL: https://stalinism.ru/kollektivizatsiya/kulatskaya-ssyilka-v 30-e-godyi.html (дата обращения: 01.10.2020).

2. Земсков В.Н. Спецпереселенцы [Электронный ресурс]. – URL: http://anikvn.ru/Zemskov/Zemskov_Zakluchennie.htm (дата обращения: 01.10.2020)

3. Круглов С. Отдел спецпоселений [Электронный ресурс]. – URL: https://military.wikireading.ru/49791 (дата обращения: 01.10.2020).

4. Бондаренко Н.А., Дюкова Н.А. Красное колесо Вишеры // Сборник воспоминаний. – 2009. – 312 с.

5. Фатхутдинов Р.Н. Организация труда на спецпоселениях в Пермском крае в 1930-е годы [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-truda-na-spetsposeleniyah-v-permskom-krae-v-1930-e-gody/viewer (дата обращения: 01.10.2020).

6. Фатхутдинов Р.Н. Материально-бытовое положение спецпереселенцев в Пермском крае в 1930-е годы [Электронный ресурс]. – URL: https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/materialno-bytovoe-polozhenie-spetspereselentsev-v-permskom-krae-v-1930-e-gody.html (дата обращения: 01.10.2020).

7. Шевырин С.А. Развитие лесной отрасли в Прикамье с 1930–1950 гг. [Электронный ресурс]. – URL: https://-www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html (дата обращения: 01.10.2020).